

ТАМ, НА НЕВЕДОМЫХ ДОРОЖКАХ АЗИОПЫ

О Т Р Е Д А К Т О Р А

*Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Свою азиатской рожей!
<...> Но сами мы — отныне вам не щит.*

Александр Блок

Наблюдая в эти дни за **уфимскими саммитами БРИКС и ШОС**, я открываю свои записи семилетней (всего-то!), даже меньше того, давности, когда — морозным декабрем 2008 г. — в Москву приехали представители Бразилии, Индии и Китая, чтобы вместе со своими российскими коллегами осмыслить, что может вылупиться из аббревиатуры *БРИК* — да и может ли вообще что-то путное вылупиться.

Бразильский коллега тогда заметил, что мы, как в пьесе Пиранделло, — актеры в поисках автора. Но он же и предложил, чтобы долго не блуждать, стратегическую цель для будущего объединения: «С окончанием холодной войны правила договора Сан-Франциско исчерпали себя. Наша миссия — выработать новые правила миропорядка».

Однако мы понимали, что делать это наскоком — неуместный романтизм. Другой риск, подстерегавший БРИК во младенчестве: *растечься мыслью по древу*, т. е. говорить много, о глобальном, но в итоге — ни о чем. Поэтому была избрана тактика: идти к стратегической миссии через конкретные проекты по ограниченному числу приоритетных направлений.

На выходе из московского Хаятта наши южные, восточные и юго-западные to-be-стратегические партнеры, помню, поеживались — декабрьский мороз был слишком непривычен. Но именно этот мороз нас, парадоксальным образом, не разободрил, а взбодрил — и настроил на амбициозное коллективное авторство.

Следом был екатеринбургский саммит. Потом — присоединение Южной Африки, эта концевая — не конечная — s, дающая ощущение множественности... Замысел

Банка БРИКС... И вот уже БРИКС из умозрительной конструкции стал вполне себе реальностью, данной всему миру в ощущении, так что теперь один из авторов тех хаяттовских посиделок В. А. Никонов может шутить о науке *брексологии* — и в этой шутке уже совсем малая доля шутки.

Когда аббревиатура не нуждается в расшифровке, это значит, что структура, стоявшая за этой аббревиатурой, состоялась, и это уже не требует доказательств.

Короче, Уфа–2015 — это было серьезно. А спаривание саммита БРИКС с саммитом ШОС дало эффект умножения: этакий *БРИКС в квадрате*, особенно если учесть, что дан старт процессу присоединения к ШОС (которая на 8 лет старше, чем БРИКС) Индии и Пакистана.

Как сказал в Уфе китайский лидер Си Цзиньпин, «в Евразии формируется Сообщество общей судьбы». Несколько тавтологично, а по сути точно.

Вырисовывающаяся шоссовская восьмерка с акцентом на вопросы традиционной и новой безопасности в ее пересечении с бриксовской пятеркой, пока что больше преуспевающей в роли финансово-экономического клуба, — дает ли она ту десятку, которая станет глобальной альтернативой западной семерке? Пока еще нет. Пройдя подростковые стадии, эти два форума еще только вступают в период энергичной зрелости, когда им и надо будет доказать свою состоятельность на деле. Индия и Пакистан — еще только на пути в ШОС. И на скамейке запасных все еще держат Иран, что стратегически ошибочно; процедура его присоединения к ШОС должна была, на мой взгляд, начаться уже в Уфе.

Наконец, БРИКС, разумно взяв тайм-аут по добавлению новых участников, раньше или позже должен будет обратиться в сторону хотя бы одной ведущей мусульманской страны для придания ему настоящего глобального характера. Сейчас преждевременно гадать, что это будет (должна быть) за страна — Турция? Египет? Индонезия? Но от этого выбора (а смотрины будут обоюдными) будет в значительной мере зависеть дальнейшая трансформация БРИКС и станут яснее очертания его глобальной привлекательности (или же их пределы).

В этом номере журнала мы публикуем круглый стол, где рассматриваем, как год российского председательства в БРИКС может повлиять на формирование повестки дня этого форума на ближайшие годы — прежде всего в корзине *мир и безопасность*, где пока что голос БРИКС еще весьма тихий и даже сбивчивый.

Что шосо-бриксовский квадрат означает для Европы? Скорее всего, просто напоминание того, что все идет в мироустройстве, как и положено идти в XXI в.: все дальше от евроцентричности. Век Европы на закате. Но то, что Европа с поразительным отсутствием воображения, ведя себя по-старчески ограниченно и будто растеряв мудрость, игнорирует возможности, открывающиеся для нее через евразийское, тихоокеанское движение? Не пойму.

Россия остается, останется крупнейшей европейской страной. Россия — географически это Дальний Восток Европы, а культурно-исторически — ее центр (хотя и *enfant terrible*, бесспорно). Откусить часть от себя самой Европа не сможет, даже если очень постараётся. Но откуда взялись такие попытки? Ведь если скелет хрустнет, то, не как говорил поэт, в тяжелых, нежных наших лапах, а просто из-за отсутствияальной растяжки, от заскорузлости.

Шосо-брюсовский квадрат — пока еще не до конца проявившийся, расцветший проект. В нем еще чувствуется перебор пиара при недостатке мяса конкретных дел. В таком состоянии это еще — *модель для сборки*. Прекрасный момент для Европы, отринув штампы и шоры, подключиться к этой *сборке*. И заодно начать — совместно с Россией — новую *сборку* европейской безопасности, основанную на новых реалиях и на взаимном уважении; в конце концов нам есть какие камни собирать и нам есть зачем их сообща укладывать — во имя мира и безопасности на континенте, а не для нового разбрасывания — оно может оказаться фатальным.

А Европа вместо этого кривит губы, бормочет про санкции, про *свой–чужой*, размывает собственную концепцию безопасности, так что получается *недо-Венера, недо-Марс*, и все боится, что под предлогом новой архитектуры безопасности Москва ей подсунет новое издание почему-то не приглянувшегося Европе проекта договора о европейской безопасности.

Сейчас не время волков бояться. Сейчас время крутых решений. Но именно к ним-то Европа и не готова... или все-таки ошибаюсь?

Еще один публикуемый в этом номере круглый стол посвящен **Ирану**. Даже не столько Ирану, сколько взаимоотношениям Ирана со своими соседями (в широком смысле) — по Ближнему Востоку, Персидскому заливу, Южной Азии, Центральной Азии и Каспию. Прежде всего восприятию Ирана самими этими соседями. Мы прежде всего хотели здесь послушать экспертов из Азербайджана, Египта, ОАЭ, КНР, России, Турции, Индии, Пакистана... Потому что хотелось разобраться, а как всеобъемлющее ядерное соглашение Ирана с *шестеркой* окажется в сопредельных с Ираном странах, и если верно, что это соглашение откроет новые возможности, то — применительно к упомянутым регионам — какие именно? В вопросе о восприятии Ирана его соседями много наносного, нередки инсинации; фобии и долгие исторические экскурсы иногда подменяют логический анализ. Вот мы и решили послушать, как смотрят на Иран в сопредельных регионах эксперты, свободные от клише и фобий.

Не скрою, я откладывал написание этой редакционной статьи в расчете, что для разговора об Иране будет, в *рифму* к нашему круглому столу, основательный информационный повод: соглашение Ирана и *шестерки*. Но по себе знаю: переговоры с иранцами никогда быстрыми не бывают; так что не смею больше задерживать верстальщиков. И в том, что венский *дедлайн* все отсрочивается, нет ничего удивительного.

Но в этой затяжной фазе выхода на финишную прямую есть и тот позитивный момент, что можно оглянуться на весь путь, пройденный нашим журналом — когда он еще был *Ядерным Контролем*, и позже — в освещении темы *иранского атома*. А мы писали об этом с самого что ни на есть первого номера, когда обсуждали иранскую ядерную программу с российским разведчиком Геннадием Евстафьевым (1994). Потом журнальными публикациями отстаивали право России на строительство Бушерской АЭС: любопытно, что против этого строительства выступали тогда некоторые маститые российские эксперты, а у нас в союзниках был блестящий специалист из МАГАТЭ Дэвид Фишер; его статья так и называлась *Почему я поддерживаю российско-иранский контракт* (1995)... Потом публиковали мою полемику по иранским ракетно-ядерным намерениям с Беньямином Нетаньяху (1998) и мой обмен мнениями по Ирану с Владимиром Путиным (2012)... исследовали *нелегальные сети* Тегерана (1998, 2006), давали слово американским экспертам с их тревогами (2002), иранским — с их контраргументами (2003, 2004), но прежде всего, конечно, отечественным, задававшимися вопросом: «Станет ли иранский атом персидским ковром для России?» (2005). В общем, согласно меткому заголовку одной из многочисленных статей про Иран и ИЯП: *мы решали иранские головоломки* (2007) и предлагали свои решения (2012–2015).

И все эти два десятилетия мы последовательно отстаивали необходимость нахождения компромисса по ИЯП в рамках многосторонних дипломатических развязок, требуя отказаться от военного решения... а то вдруг кто сегодня *подзабыл*, что еще совсем недавно именно *военное* решение в отношении ИЯП было модным *talk of the town*, рисковавшим перерасти в практическую политику, и что многие из тех американских коллег, кто сегодня аплодирует Обаме за его *введение* диалога между США и Ираном, нас всех именно подобным диалогом и пугали, сознательно демонизируя Иран и отодвигая саму возможность дипломатических развязок. Сегодня они убеждают, что это их *жесткость* склонила Тегеран к переговорам. Ничего нет дальше от истины. Это их близорукость отбросила международное сообщество от дипломатических развязок по ИЯП, к которым мы были близки еще в 2003 г., затянула узлы до такой степени, что сегодня на их развязывание уходит изрядно времени...

В самом деле, уж полночь близится — а Вена все никак...

Но для меня, как понял читатель, разговор об иранской ядерной программе был хорошим поводом мысленно перелистать еще раз те 112 номеров журнала, которые я редактировал, без единого исключения, начиная с 1994 г.

И, как уже, наверное, знает читатель — к этому номеру, который вы сейчас держите в руках, я уже не вполне причастен: не более чем как один из членов его редакколлегии.

И эта редакционная статья — последняя.

21 год у руля и 112 номеров — достаточно.

Мне радостно, что сегодня я передаю эстафету новой команде, которая делала этот номер и уже готовит следующие. Команде, которая частью выросла в *пиров-*

ских стенах, а частью — совсем свежая. Команде, которая, по-моему, настроена дать новый творческий импульс *Индексу Безопасности*, вложить в него свое, свежее видение и свои голоса. Команде, которая услышала мой призыв к новым технологическим подходам к научной журналистике — таким подходам, которые должны, сохраняя журнал продуктом качественным и авторитетным, сделать его продуктом современным, динамичным и еще более востребованным, еще шире читаемым и цитируемым в России и по всему миру.

Во главе этой команды стоит Ольга Мостинская — новый главный редактор *Индекса Безопасности*, которую я с искренним удовольствием сегодня представляю читателям и которой я желаю постоянного творческого драйва и постоянного яркого диалога с нашими замечательными авторами и нашими требовательными (что замечательно!) читателями.

Меня такой диалог тонизировал весь этот 21 год. За что и нашим авторам, и нашим читателям — мое редакторское спасибо!

Владимир ОРЛОВ

Основатель журнала *Индекс Безопасности*

Член редакционной коллегии

10 июля 2015 г.